

«РАБЫ ЦАРЯ» В ЕГИПТЕ ЭПОХИ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

**(Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук)**

В документах Среднего царства как-то вдруг, неожиданно, становится заметным социальный слой, называемый «рабами царя». Довольно прозрачное название слоя обещает немало историку египетского общества, но до сих пор проблема «рабов царя» казалась неразрешимой из-за крайней скудости и однообразия материала. Такой, в действительности, она бы и была, если б среднеегипетские источники не позволили разглядеть этот обширный социальный слой под различными профессиональными и административными наименованиями, так или иначе его характеризующими. Понятно поэтому, что в основу диссертации должно было лечь подробное терминологическое исследование, которым и открывается первая глава диссертации, названная

«Рабы царя в среднеегипетском обществе»

Считалось, что египетская социальная лексика очень расплывчата, крайне аморфна. Это доказывалось будто бы как раз ее богатством, как полагали, невозможным, если б она фиксировала существенные связи и отношения. Между тем, изучение социальной терминологии убеждает в том, что она, при своей очевидной многоплановости и значительной свободе, с разных сторон и в различных связях, характеризует важнейшие общественные отношения, а многочисленные термины легко могут быть сведены к нескольким основным.

Так частнособственнические отношения исчерпываются термином «джет» — «(люди) собственности», который, как установил Ю. Я. Перепелкин («Всемирная история», т. 1, М., 1955, с. 163–164), охватывает категории «баку» и «мерет», т. е. «рабов» и «челядь», а «челядь», в свою очередь, составляется из «рабов царя». Эти «рабы царя» в частных домах именуется «подвластными» («неджет», букв. относящиеся к собственности), а то и просто «людьми». Иногда счет их ведется на «головы», и тогда мы узнаем, что их сотнями раздают частным лицам: чиновникам и воинам. «Рабов царя» называют нередко «списками» и «ведомостями», ибо этими документами обосновывались права хозяина на принадлежавших ему «рабов царя». Все это множество названий, таким образом (имеется еще несколько второстепенных, которые мы здесь не упоминаем) сводится к одному основному — «раб царя» (хем несут) или даже просто «хем», так как выяснилось, что последний термин — вариант более полного: хем несут. Таким образом, все люди, зависимые от частного лица, его «собственность» (джет), могут быть либо «баку», либо «хему». К сожалению, у нас давно повелось переводить оба термина одинаково — «раб». В русской передаче поэтому придется различать их как «рабов» и «царских рабов». Эта антитеза сама по себе достаточно красноречива и дает представление о своеобразном положении «хему» по сравнению с «баку». Она становится еще более многозначительной, если учесть доказанное Ю. Я. Перепелкиным и А. М. Бакиром положение, что термин «бак» восходит к соответствующему глаголу не в его обычном непереходном значении «работать», но в более редком переходном — «порабощать». Староегипетские тексты свидетельствуют о широком распространении порабощений, особенно молодежи, частными лицами. Этот акт всегда считался произволом, при XII династии он, видимо, вообще был объявлен вне закона, так как какие бы то ни было упоминания о порабощениях с этого времени вообще прекращаются. Тем не менее, слой «баку» продолжал существовать, но только в рамках частнособственнических отношений. Царское хозяйство, как и следовало ожидать, эксплуатировало исключительно «рабов царя».

Было бы, однако, ошибкой свести разницу между «хему» и «баку» лишь к тому, что первые считались царскими, а вторые находились и собственности частных лиц. Как указывалось, «рабы царя» также входили в частную «собственность» (джет), но при этом не переставали быть «царскими». Различие между «хему» и «баку», вернее значение эпитета «царский» при «хему», оказывается, таким образом, более сложным. Это различие тесно

связано с другим. «Баку» не имеют специальных занятий. В документах они обычно называются по своему положению. Иначе обстоит дело с «хему». Памятники показывают, что основной обязанностью «рабов царя» была «работа» (баку) на какого-либо «владыку», откуда и описательное обозначение их — «те, которые на работах», но не работах вообще, а в рамках определенной профессии. Оказывается, что право на профессию неотъемлемо от «рабов царя», которые обыкновенно выступают в документах под тем или иным профессиональным названием, а «рабы царя» в их совокупности вообще именуется «профессиями» (семдет). Новоегипетские школьные поучения, подражающие образцам Среднего царства, показывают, что между правящим классом, завладевшим административным аппаратом, и профессиями пролегла настоящая пропасть, которую в состоянии были преодолеть лишь отдельные выходцы из низов. Как ни странно, в науке до сих пор господствует мнение, что именно эти тексты доказывают демократический характер древнеегипетской школы, свидетельствуют будто бы о равных возможностях, которые открываются перед молодежью; юношество якобы имеет право выбора профессий, из которых писцовая просто оказывается более выгодной. Анализ поучений убеждает как раз в обратном: нерадивого ученика, выходца из чиновной среды (в текстах подчеркивается, что в школе обучались дети чиновников) страшат переводом в «семдет», чем совершенно так же грозят царские указы преступному чиновнику. Перед обучающимися в чиновничьих школах ставилась, таким образом, альтернатива: образование, либо «работа», «профессии», — тогда как у детей «рабов царя» не было выбора.

Дальнейшее изучение слоя «рабов царя» теперь целесообразно проводить на конкретных профессиях, характерных для него.

Профессии «рабов царя» в основном распадаются на две группы: «полевые» и «домашние». Основной среди «полевых» была безусловно профессия «земледельца» (ахути). Ю. Я. Перепелкин показал, что «земледельцы» набирались из «рабов царя», на труде которых, в основном, зиждилось крупное вельможное хозяйство. Теперь удастся раскрыть и заложенное в названии назначение этих «земледельцев». Название это происходит от пассивного причастия «ахут», обозначающего надел земледельца, которое буквально означает: «охваченное», «уловленное». Это связано, оказывается, с практикой обмера урожая на корню землемерной коллегией, которая веревкой обмеряла («улавливала») урожай, подлежащий сдаче. Частных наделов это не касалось и, следовательно, «ахут» значило примерно: «подлежащее сдаче» или подобное этому. В Среднем царстве существовала мера площади «ахут», равная 20 «сот» земли, которая дает представление о размерах этих участков. Поскольку же размеры участка определялись исходя из физических возможностей среднего земледельца, ответственного за выполнение всех трудовых процессов на этом участке, то понятно стремление египетской администрации к равновеликости земельных участков «ахут». Конечно, не везде и не всегда это было возможно, но равновеликость «ахут» была обычным явлением, о котором сообщает, между прочим, и Геродот. Размер «ахут» — 20 «сот» = 2 тысячи земель(ных локтей), по-позднеегипетски «ха-та», объясняет до сих пор не понятую категорию земель в Новом царстве — «земли ха-та фараона» как «ахут фараона», т. е. как царские земли, специализировавшиеся на зерновом производстве, которое со времен Среднего царства было возможно только в рамках системы земледельцев — «ахути». Целесообразность этой системы эксплуатации отдельных земледельцев заключалась не в заинтересованности работников в своем труде, так как урожай не принадлежал земледельцу. Однако закрепление равновеликих земельных участков за отдельными лицами усиливало их ответственность за производство зерна в пределах строго рассчитанных норм (по ячменю считалась нормальной урожайность в 5 мешков с 1 «сот» земли). Земле «ха-та», т. е. «земле тысяч земельных локтей», со Среднего царства противопоставляются земли «мех-та», т. е. земли «земельных локтей», по всей вероятности, отрезки больших «ахут», закрепляемых администрацией за отдельными лицами, следовательно, форма распределения произведенного земледельцами зерна. Институт «мех-та» оказался удобной формой обеспечения небольших чиновников и особенно рядовых

воинов, и в позднем Среднем царстве получил широкое распространение.

Исследование показывает, что земледелец — «ахути» не владел средствами производства: землей и скотом (примитивные сельскохозяйственные орудия он изготовлял, правда, сам) — и не имел никаких прав на произведенный им урожай. Семена и зерновое кормление для себя он получал из житницы того лица или учреждения, которому он принадлежал. К аналогичным выводам для Нового царства на основании новоегипетского папируса Лансинг пришел акад. В. В. Струве,

В Среднем царстве обыкновенно различали профессии садовника («ири-ше», «хери-ше», «хенти-ше» и т. п.) и огородника («кани/кари»). Все они были также «рабами царя» и не владели огородом/садом, который они обрабатывали. Труд их был очень тяжел, так как в значительной степени сводился к поливу, всегда вручную, без всяких водоподъемных приспособлений, зачастую из более низкого водоема. Частное садовладение заметно развилось в Среднем царстве, так как сад можно было разбить только на земле, недоступной половодью и, следовательно, практически никому не принадлежащей. Цену ей придавало только создание водоема («ше»), который по-египетски и обозначал «сад» («ше»). Частные сады насчитывали сотни деревьев, огромные государственные сады обслуживались сотнями садовников.

Пастухи также были «рабами царя». Их задача — пастьба скота на огороженных выпасах как в долине (на возвышенных берегах и холмах), так и, главным образом, на краю пустыни. До сих пор об этих огороженных выпасах ничего не было известно; между тем, оказывается, почти весь скот, как государственный, так и частный, содержался там; имелась особая администрация выпасов, через которую шло снабжение пастухов зерном. Эти выпасы были центрами молочного производства. Вполне возможно, что остатки одного из них были обнаружены советской археологической экспедицией в Кубане под руководством Б. Б. Пиотровского.

Для нас весьма важно было установить чтение идеограммы выпаса (знак канала) как «за» (z³) не только потому, что это позволило нам выяснить организацию скотоводства в эпоху Среднего царства, но и в связи с тем, что это чтение давало возможность, наконец, разобраться в целой группе важнейших социальных, производственных и воинских терминов, которые пишутся указанным знаком. Сам по себе он читается «за», с добавлением знака прорезанной каналами земли — «мер» или «мерет», с добавлением знака хлеба — «мерет». Слово «челядь» («мерет») этой группой в Среднем царстве не пишется, ибо эта графика сохраняется для омонимичного ему «мерет» — «ткачество», «ткачи». Слово «меру» мужского рода означает «сторонники», если оно детерминировано знаками мужчины и женщины, и воинский термин «сторонние», если оно пояснено знаком мужчины.

Удается установить размер налога на частный скот, равный десятой части стада. От подати, налога следует отличать поставки пастухов, их «работу» («баку»), сдаваемую владельцу стад, которые он пасет. В царском хозяйстве «работа» равнялась четверти стада. К сожалению, осталось невыясненным, как часто производились расчеты со скотом; известно только, что не каждый год.

Скот пастухам не принадлежал. Их только «приставляют» к нему. Не имели они права и на продукты животноводства. В городах на скотных дворах («меджут») содержался как молочный, так и, особенно, мясной скот, который откармливали «откармливающие» («ушау»), также «рабы царя». Обыкновенно на эту работу ставили увечных и даже слепых. Вместе со скотными дворами держали и птичьих.

К «полевым профессиям» «рабов царя» следует причислить еще и «промысловиков» («сехтиу»), которые занимались собирательством, рыбной ловлей и птицеводством. Выясняется, что значение названия профессии тесно связано с «сехет» «полем», но не в смысле «пространство вне городов», а с полем как своеобразным организмом, составляющим целое со всем, что на этом пространстве произрастает и живет, представляемом в образе женщины, богини поля. В этом значении слово «поле» становится равнозначным «добыче», следовательно, «сехтиу» — «промысловики», «добытчики».

Они были заняты на царской службе и в частных хозяйствах. Это все «рабы царя», выполнявшие строго фиксированный урок, размеры которого, к сожалению, неизвестны.

Есть основания, однако, полагать, что урок этот был определен в расчете на известный прожиточный минимум для промысловика. Это позволяло промысловикам обменивать принадлежавшую им часть добычи на необходимые им продукты. Торговля вообще составляла как бы побочное занятие промысловиков, которые, сбывая сверхурочную добычу, могли при случае приобретать известный достаток. Один из них, например, был в состоянии купить за 10 денег меди осла.

Организация промысловиков была близка к военной.

Сфера применения труда «рабов царя» не ограничивалась полем, столь же интенсивно использовались они и на домашних работах. Эта профессия (а у египтян она считалась профессией) по-египетски называлась «хери-пер», букв. «сущий над домом», т. е. ведающий домом. До сих пор этих людей принимали за мажордомов, понимая прилагательное «хери» как «главный». Исследование, однако, показывает, что это значение появляется впервые на рубеже Среднего и Нового царства и является характерным для новоегипетского языка. В среднеегипетском это прилагательное означает «ведающий», «занимающийся», например, «занимающийся жертвенниками, садом, сопровождением владыки и т. п.». Удастся объяснить, наконец, и странный титул скульптора «хери-херу», который до сих пор понимали как «главный над главными». На самом деле это — «занимающийся ликами».

Профессия «ведающего домом» была универсальной, и ее зачастую старались уточнить. Хранением белья и ценностей занимались «бельевики» или «казначеи», хранители помещений; личными услугами — провожатые, слуги; обучением детей письму — учителя письма и т. д. Среди них были певцы и танцоры, приусадебные садовники, кравчие, занимавшиеся хранением и сервировкой пищи.

Каждое из этих специализированных занятий подробно обследуется в диссертации, выясняются терминологические загадки, четко определяются функции «хериу-пер» не только в частных домах, но и во дворце и в государственных учреждениях.

Удастся, например, установить, что певцы и танцоры зачастую отпускались на оброк. Они бродили по стране, зарабатывая своим трудом деньги (на деле, вещи, оцененные в деньгах), из которых они определенную часть поставляли своему хозяину. На тех же основаниях зачастую работали и цирюльники. Такие отпущенные на оброк цирюльники, по словам «Поучения Ахтоя», едят в соответствии с произведенной работой. В крупных хозяйствах штатные цирюльники и прачечники обслуживают не только господ, но и рабов.

В доме, естественно, мог найти широкое применение и труд женщины, тогда как в полевые профессии назначались только мужчины. Обыкновенно таких женщин называют просто «хемут», «рабынями», иногда «херит-пер» — «ведающими домом», нередко также по конкретным обязанностям: «находящаяся при службах», «имеющая доступ (в дом)» и т. д.

Особое значение имело в египетской жизни специализированное пищевое производство — «шнау». Крупные «шнау» во дворцах, храмах и у вельмож обычно делились на отделы хлеба, пива, мяса, сладостей, плодов, молока, жира и т. д. Интересно, что рыбного отдела не существовало. Сложный аппарат «шнау» в целом и его отделов подробно обследован в работе.

Все домашние слуги (хериу-пер) и работники «шнау» оказываются рабами царя и рабынями (хемет). Их положение могло быть значительно лучшим, чем положение рабов царя, определенных в сельские профессии. У высокопоставленных хозяев домашние слуги ухитрялись сколотить собственное хозяйство. Некоторые из них имели свою землю, своих рабов (также «рабов царя»), свой «шнау», свой скот. При этом надо учесть, что хозяин «раба царя» не имел права на его имущество. Конечно, такое благосостояние было для людей из слоя «рабов царя» исключительным, но его нельзя не заметить.

В доме могли работать и ремесленники. Вообще административные документы отделяют ремесленников от «рабов царя», но некоторые ремесла, имеющие домашнее

значение, были профессиями «рабов царя». Так из Бруклинского папируса мы узнаем о существовании целой частной ткацкой мастерской. Все ткачихи — рабыни (хемер).

Произведенное исследование таким образом доказывает, что слой «рабов царя» был весьма широк и охватывал все зависимое сельскохозяйственное население Египта и многочисленную в те времена челядь.

Теперь, когда в результате проделанной работы неизмеримо возрос материал, рисующий положение «рабов царя» в среднеегипетском обществе, мы можем перейти к характеристике этого слоя в целом.

Был собран материал, характеризующий рабский рынок эпохи Среднего царства, на котором продавались и покупались «рабы царя» и «баку». Оказалось, что «баку» ценились во много раз дороже, чем «хемер». Покупка одного «баку» — событие для хозяина, имевшего целые списки «хемер». Удастся установить древнейшую (конец XII династии) пока известную в истории Египта цену раба — «баку» — 28 денег золота (ок. 210 гр.). Большая в глазах рабовладельца ценность «баку» по сравнению с «хемер» доказывает, что эпитет «царский», которым постоянно характеризуют последних, не был пустым звуком. Что же давало им право называться «царскими»?

В этой связи опять приходится вспомнить о том, что «рабы царя» всегда имеют профессию, в которую их определяют с юности, независимо от их воли. Делается это на «смотрах», во время которых происходит отбор в войско (наиболее здоровых и крепких физически) и распределение по профессиям. Нередко в подобных случаях дело идет о перекалфикации больных, увечных, ветеранов, отслуживших свое, но основная задача — устройство подростов молодежи. Все, кто не имеет возможности выбрать карьеру чиновника (такую возможность имеют только дети чиновников, жречества, иногда дети военных и ремесленников), подлежат смотру, на котором их определяют в войско, ремесло, низшее жречество или в «рабов царя». Поразительно, что, угрожая чиновничеству переводом в «рабы царя», цари не уточняют, в какие именно: частные или царские. Только указ в Наури говорит об отдаче преступного чиновника в храмовые земледельцы и передаче его семьи в «подвластные люди» (неджут) храмового чиновника. Обычно и в подобных угрозах не делают различия между «неджут» и царскими «рабами царя», считавшимися «неджут» царя, как если бы она была несущественной. Юношеству в сочинениях школьной дидактики опять-таки говорят только о профессиях «рабов царя», о том, как они тягостны и даже невыносимы, и совершенно упускают, с нашей точки зрения, самый выигрышный момент при описании тяжелого положения профессий — что их всегда могут отдать в частные руки. Похоже на то, что для египтянина это было не столь уж важно.

Действительно, разница между зависимыми и царскими «хемер» не была резкой, и царица могла объявлять себя главой «женщин в руке правителей двора или чиновников страны этой», т. е. всех тех женщин, которые находятся в ведении распорядителей царским хозяйством, и тех, что отданы чиновникам в челядь. Точно так же и царь был главой мужчин как в филиалах «царского дома», т. е. царского хозяйства, так и в челяди чиновничества.

Примечательно также, что один и тот же чиновник ведал как распределением «профессий» в «доме царя» так и раздачей «мерет» сановникам. «Профессии» и «мерет», стало быть, имели общий источник.

Теперь становится понятным, почему «рабы царя» постоянно выступают как профессионалы: они получают, оказывается, назначение на смотре от царской администрации — в том числе и частные «рабы царя». Административное определение на их счет зачастую могло быть только констатацией факта или утверждением пожеланий хозяина; как бы то ни было, бесспорно одно: хозяин имел дело в лице «хемер» не с вообще рабами, а рабами, назначенными в определенные профессии с санкции царской администрации.

Только мужчины — «рабы царя» подлежали смотрам. Женщины и дети исключались. Поэтому женщины и дети из семейств «рабов царя» не назывались «царскими», а просто лишь «рабынями» (хемер) и детьми «рабов царя». Мальчики становились «рабами царя» лишь с того времени, как попадали на смотр, и то лишь в том

случае, если их определяли там в этот разряд. Могли же их назначить и в войско, и в жречество, и в ремесла, причем не только мальчика из царских рабов, но и из неджут. Об этом красноречиво свидетельствует новая социальная категория которую нам удалось обнаружить в среднеегипетских документах, а именно «дети» (херду). Выяснилось, что так называлось потомство неджут, воспитателем и кормильцем которого считался хозяин. Этих «детей» могли на смотре оставить в родном хозяйстве, и тогда хозяин мог хвастаться (это считалось шикарным), что в его доме рабы, выращенные им самим. Но, как правило, их назначали куда-то на сторону, причем, естественно, назначение могло зависеть в значительной мере и от хозяина. «Дети» высокопоставленных лиц достигали многого. Некоторые из них становились жрецами и даже чиновниками. Разумеется, эти карьеры были исключением. Обычно «детей» ждала участь «рабов царя» или военная служба. Как бы то ни было, важно констатировать, что хозяева не имели прав на потомство приписанных им «хему», которые могли быть их рабами лишь пожизненно. На самом деле срок рабства мог еще более сокращаться, так как на смотрах занимались и переквалификацией и перемещением рабочей силы.

В экономическом отношении слой «рабов, царя» не был однороден. Многие зависело здесь от профессии, еще больше — от хозяина «рабов царя». Тем не менее для этого слоя в целом характерна «свобода» от средств производства, занятия в хозяйствах, которые им не принадлежат. Вместе с тем, они сами, как и средства производства, к которым они приставлены, являются собственностью. Выводы, к которым мы приходим в данном случае, для шумерского общества впервые обоснованы акад. В. В. Струве, который главным образом именно по причине «свободы» от средств производства определяет работников крупных земельных хозяйств Шумера как рабов. Египетские «рабы царя», составляющие близкую параллель к ним, однако, не лишены личного имущества, которое в некоторых случаях превращается даже в небольшое самостоятельное хозяйство. Важно подчеркнуть, что хозяин «неджут» не имеет права на их личное имущество.

Все сказанное приводит к выводу, что «неджут», т. е. частные «рабы царя» находились лишь в пользовании частных лиц. Сразу делаются понятными некоторые «странности» социальной действительности эпохи Среднего царства: необыкновенная многочисленность «неджут» в руках частных лиц, их невысокая ценность на рабском рынке по сравнению с «баку», непрочная связь «неджут» с их хозяевами и многое другое.

Сами египтяне не считали чем-то особенным положение «неджут», не выделяя их из слоя «рабов царя». Вместе с тем этот слой не противопоставлялся воинам и ремесленникам, хотя, естественно, и отграничивался от них. Однако дети «рабов царя» нередко становились воинами и, наоборот, ветеранов могли вновь переводить в слой «рабов царя». Среди «профессий» не делают, как правило, различия между «рабами царя» и ремесленниками, хотя, надо думать, дети ремесленников обыкновенно шли по стопам отцов и, следовательно, несколько обособлялись от «рабов царя». Как бы то ни было, этот слой обозначается, очевидно, не как некая социальная определенность, а прежде всего как административно хозяйственный разряд, группа определенных профессий, совершенно так же как слой «ремесла» (хемут). Поскольку все «рабы царя» заняты производством пищи и обслуживанием хозяев, их роль вполне сопоставима с ролью «рабов бога» (хему нечер) и «рабов двойника» (хему ка), заботившихся о богах и мертвых. «Рабы царя», таким образом, первоначально, теоретически — заботившиеся о царе, может быть, что-то вроде «кормильцы царя». Как и только что названные, это также профессия.

Иное дело «баку», рабы в полном смысле слова. Исследование о «рабах царя» следует дополнить специальным разделом об иноземных рабах в Египте, которые почти исключительно были из азиатов. Обосновывается мнение, что основные контингенты этих рабов захватывали у самой границы Египта, в восточной пустыне. Число их было, судя по всему, очень велико, а распространение — повсеместно. Азиатского раба можно было встретить и у знатного и даже у совсем небогатого человека, иной раз и у челядинца из «рабов царя». К сожалению, об их положении в среднеегипетском обществе сохранилось

мало сведений. То немногое, что дошло до нас, заставляет выделять их в особую социальную группу. Как и «рабы царя», они жалуются частным лицам царем, следовательно, являются «царскими» и поэтому учитываются в «палате рабочих рук». Как и «рабов царя», их десятками передают частным лицам и притом как «челядь» (мерет). Однако очень часто азиаты, зачисленные в «челядь», не имеют профессий и используются на различных, зачастую случайных работах, т. е. как «баку». Видимо, азиаты занимали промежуточное положение между «баку» и «хему».

Вторая глава диссертации носит название «Египетское войско в период Среднего царства». И здесь, как и в предыдущей главе, подробное терминологическое исследование кладется в основу раздела. Выясняется среднеегипетская воинская терминология, которая до сих пор была известна лишь по отдельным воинским титулам, чинам и званиям.

Оказывается, воинами, прежде всего, были «неджесу», «молодцы», ничего общего не имевшие с «неджесу» «маленькими», т. е. всеми униженными египетского общества (морально-этический термин), а также так называемые «анху ну ниут», букв. «живые города» и «анху ну чет хека», букв. «живые стола властителя».

Исследование показывает, что слово «анху» значит «живой» в смысле «полный жизненных сил», т. е. «молодец», как и «неджес», тогда как «ниут» следует понимать не как «город», а как «городской полк». Следовательно, «воин городского полка».

Второй загадочный титул следует переводить как «воин дружины властителя», так как в среднеегипетском языке у слова «чет» «стол» имеется омоним «состав», «штат», «дружина». Совершенно ясно, что именно этот омоним, а не исходное слово лежит в основе титула, что и поясняется детерминативом множества мужчин. В диссертации приводятся свидетельства многих источников, определенно показывающих, что обе категории были войсковыми и притом основными. Таким образом организация египетского войска в эпоху Среднего царства теперь значительно проясняется.

Прежде всего открывается поразительная параллельность в строении армии: городские полки и дружина царя. При этом сразу же отбрасываются предположения об ополчении и гвардии, или чем-то подобном. И те, и другие — профессионалы, живущие в административных центрах и столицах Египта. Следовательно, это повсеместный принцип войскового строительства. Примечательно что над «молодцами» поставлены командиры, называемые «уартуу», что-то вроде нашего «отделенный», «взводный», буквально «частный» (от «уарет» «часть»). Оказывается, в городском полку это «части» полка, которым командует «военачальник». «Части» дружины властителя составляют в общеегипетскую «дружину» с царем во главе.

В первую половину Среднего царства административные должности не отделялись от командных военных. Исторически такое положение сложилось в так называемую эпоху смут, предшествовавших воцарению XII династии, когда страна фактически распалась на номы и «большие города» (папирус Эрмитаж 1116А, строка 85), которые вели беспрестанные войны друг с другом. XII династия, умиротворившая страну, была не в силах упразднить местные войсковые контингенты, бывшие в подчинении у наследственной административной знати, но создала им противовес — «дружину властителя», подчиненную непосредственно царю. Постепенно правительству удается провести принцип разделения властей. Во вторую половину XII династии городским полком (номовые были вообще упразднены) командует особый военачальник, не наделенный административной властью.

О вооружении египетского войска красноречиво говорят два слова со значением «строй», «отряд»: «копья» и «луки». В пределах городских полков и частей дружины властителя лучники выделялись в особую часть.

Все войско страны делилось на «сторонних» (так сказать, из провинции) и «внутренних» (столица). Этот новый принцип организации египетского войска, как и прежний, не был до сих пор замечен, между тем он не только интересен сам по себе как свидетельство о постоянной опоре царской власти в те времена на личную охрану, но и,

между прочим, доказывает, что город «Джедисут» был столицей Египта в пору поздней Х династии, так как именно там стояли тогда «внутренние» войска (папирус Эрмитаж 1116А, строки 99–101) числом в 10000 человек:

Эти внутренние войска не следует смешивать с «гвардией», составной их частью. С другой стороны, необходимо отличать гвардию (шемсу ен хека) от свиты царя (шемсу шемси).

Вслед за гвардией в диссертации изучаются остальные рода войск: пограничники, полицейские войска, чужеземцы в египетском поимке, особо организованные.

Социальное лицо египетского войска определяется довольно четко. Основную массу составляли дети «рабов царя», которых брали в войска, набиравшееся из расчета один из ста (при XX династии — один из десяти). Воины получали в держание земельные наделы как должностное имущество, возможно, среди них отрезки «мех-та», обрабатываемые земледельцами (ахутиу).

Воины получали и «списки» челяди, гвардейцы же обеспечивались как вельможи сотнями «рабов царя», землей и скотом. Неудивительно, что в гвардию зачастую поступали люди знатные. Из их же среды выходили армейские и дружинные командиры.

«Рабы царя» составляли основу египетской армии, но «баку» туда не допускались.

Третья глава диссертации названа «Царские работы в период Среднего царства». Основополагающими для исследования в данной области явились точные указания в сочинениях школьной дидактики на то, что состояние «находящихся на работах (баку)», т. е. прежде всего «рабов царя», влечет за собой и обязательные повинности (кат).

Как и прежде, исследование начинается с выяснения специальной терминологии, которое одно зачастую дает решения ряда сторон системы повинностей.

Устанавливается точное значение основного названия для участников «царских работ» — «хесеб» — как «тот, в отношении которого произведен расчет», «рассчитанный» на такие-то работы. Разновидностью «хесбу» являются «мениу», точное назначение которых неясно. Это, очевидно, главная разновидность «хесбу», во всяком случае, не связанная с земледелием, как это иногда полагают. Термин «иуаит», попадающийся в документах, относящихся к царским работам, истолковывается как «заложница» в подтверждение гипотезы Гардинера. Устанавливаются другие обозначения работников, в частности «чужаки», в противоположность постоянному персоналу работ.

От царских работ всячески старались уклониться, хотя это и преследовалось законом, различавшим в основном два преступления по разряду дезертирств с царских работ: уклонение от работ (кат) и бегство из «стана», «лагеря». Тем самым доказывается тождество «работ» и «стана», известное и из других источников. Иными словами, участники царских работ собирались в специальных станах, выход из которых не был свободным. Семьи дезертиров или только некоторые родственники, все, как правило, женщины, содержались там же.

Удается выяснить характер работ «хесбу», набравшихся из мужчин. Это тяжелые строительные и землекопные работы (в том числе ирригационные), полив вручную, без каких бы то ни было водоподъемных приспособлений, и гребцовая повинность. Очевидный интерес для истории египетской культуры вообще, вне вопроса о царских работах, представляет вывод о неприменении в Среднем царстве сооружений для подъема воды на возвышенности. До сих пор считалось, что работу какого-то из них упоминает VI глава «Книги мертвых», обрисовывающая царские работы за гробом как отражение земных, вполне реальных. Исследование убеждает, однако, что загадочные глаголы, описывающие обводнение полей, следует переводить «обходить поля», поливая насаждения, для чего поливальщику даются необходимые орудия: коромысло и ведра. Этот негативный в отношении водоподъемных приспособлений вывод согласуется с богатым изобразительным материалом: полив огородов и садов всегда совершается вручную, разносом воды.

Вообще VI глава «Книги мертвых» и особенно ее прообраз, 472 глава «Текстов

саркофагов», дали изумительно интересный материал по царским работам во времена Среднего царства. Важно было только отделить действительное в этих текстах от религиозно-магического. Эта задача заставила обратиться к проблеме ушебти — деревянных статуэток, которые клали в гробницу как заместителей владельца гробницы на царских работах. Можно было бы принять систему ушебти за отражение действительной практики замещений рабами своих господ. Приводимый в диссертации материал, однако, убеждает в ошибочности такого предположения. Ушебти — чисто религиозное логическое завершение представлений о царских работах, перенесенных воображением в мир за гробом. С одной стороны, ушебти отождествлялся с покойным (откуда стремление уподобить статуэтку оригиналу), с другой — был отличен от него, являлся вещью и, следовательно, рабом покойного. От ушебти следует отличать «челядь» (мерет) покойного, «делающую для него вещи», которую в гробницах символизируют изображения или статуэтки работников: пивоваров, ткачих, хлебопек и т. д. Ушебти, т. е. сам покойный, ничего подобного не делал, но занимался царскими работами: поливом и греблей. Устраняется теперь и явное противоречие в религиозно-магической литературе: с одной стороны, умерший освобождается от работ, с другой — он сам с удовольствием занимается хлебопашеством в египетском элизиуме, где работа так легка, а урожаи так высоки. Оказывается, что работа для себя, на своем земельном участке, вовсе не казалось за гробом тяжелой, но работ для царя всемерно старались избежать.

Представления о загробных царских работах являются ярчайшим свидетельством того, какое колоссальное влияние оказывали они на жизнь египетского общества, и того, какой грандиозный размах приняли они в эпоху Среднего царства на основе страшной эксплуатации взятых на работы, если призрак этих работ пугал их и после смерти.

Бесценно точное указание в «Текстах саркофагов» о том, что все подобные работы — царские. Это сразу же позволяет определить самый характер занятий «хесбу» как повинность в пользу царя. На основе большого материала этот вывод вполне определенно доказывает, что все «хесбу», занятые на царских работах, отвлекаются от их повседневных обязанностей, т. е. от «баку», работы в пределах какой-то одной профессии. Отрыв от повседневных обязанностей явно временный, однако, продолжительность его до сих пор установить не удалось (вполне возможно, однако, что норм в определении срока работ и не существовало). Продолжительность пребывания на этих работах составляла обычно несколько месяцев, но в отдельных случаях имела место задержка людей до 9 месяцев в году. Такие задержки вполне объяснимы в том случае, если отбывающие повинность не ведут собственного хозяйства, тогда как важность работ, на которых они временно заняты, оправдывает ущерб, наносимый их отсутствием их основному делу. И в самом деле, основную массу «хесбу» опять-таки составляют «рабы царя», которые, как указывалось, не владели средствами производства, но сами являлись таковыми. Они набирались для тяжелой физической работы на царские повинности — «кат» — помимо своей основной работы «баку», дополняя своей силой мастерство ремесленников.

Удается выяснить организацию «хесбу», сложную администрацию царских работ, осуществляемых «казначейством», но руководимых правителем (везиром), координирующим различные государственные ведомства, обеспечивающие работы квалифицированной рабочей силой (казначейство), неквалифицированными рабочими (это же тяговая сила, так как скот на царских работах не применялся) (палата рабочих рук), орудиями, одеждой и пр. (казначейство), провизией (царское хозяйство, управляемое «великим домоправителем»).

Обнаруживается особое использование труда «хесбу» в частных хозяйствах, здесь уже на обычных сельскохозяйственных работах. Они оказываются, таким образом, рабами частного лица лишь в продолжение определенного срока в году. Как выясняется, такая практика была обычным явлением в среднеегипетскую пору и, следовательно, распространение рабского труда было значительно большим, чем раньше предполагалось. В Новом царстве многие владели не «рабами», а буквально несколькими «днями» рабов,

которые часто бывали предметом торга и за немалые деньги.

Устанавливается точное египетское название денежной единицы: «шена»/«шенати»/«ше(н)ати». Во множественном числе это слово равнозначно нашему «деньги», в сочетании с числовым выражением — «деньга». Вес «деньги» должен быть равен ~ 7,5 г металла. Мы теперь впервые узнаем ряд цен эпохи Среднего царства. Осел стоил 10 денег меди, рабыня 28 денег золота. Огромные деньги платили за должности, в частности, за должность второго жреца-пророка Амуна царь заплатил 1010 денег золота.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Замечания к папирусу Булак 18. Система учета. // Древний мир (сборник статей). М., 1962. С. 55–62.

2. Дом царя в эпоху Среднего царства. М., 1960 (то же в сборнике «Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов». М., 1962. С. 143–148).

3. Памятники начальника пашен *dd.tw*. // Ассириология и египтология (сборник статей). Л., 1964. С. 81–94.